

Игрища графа Толмаччини

Что и говорить, пошутить в нашем пионерском лагере любили и умели. Вообще, жизнь под ярким летним солнцем в благодатных анашкинских лесах была построена так, что в любой момент ты мог нарваться на шутку, розыгрыш, и это состояние постоянной готовности отреагировать воспитывалось в нас из года в год. Пошутить или «приколоться» мог кто угодно - малолетка октябренок, начальник лагеря, кружковод или повариха на раздаче. Причем шутки могли быть многослойными, т.е. имеющими своей высшей точкой не только однократный смех и улыбки окружающих. Частенько шутка порождала неожиданную реакцию, другую шутку, а та, в свою очередь, летела как снег с макушки елки, рассыпаясь по веткам и образуя снежную лавину, накрывающую с головой всех, кто в эту минуту оказался рядом.

Вожатые с пионерами находились в состоянии непрерывающейся игры. То это была «Молчанка», то «Сижу!», а то, как бы это сказать поблагозвучней: «Прикрой попу!».

Кстати о «Сижу!». Незамысловатость правил этой игры породила ее почти фатальную популярность. Договаривающиеся об участии принимали обязательство каждый раз, опуская любимые ягодицы на лавочку, стул или иную, используемую для отдыха плоскость, должны были громко сказать: «Сижу!» - и только после этого предаваться ощущениям расслабленности и лени. Если же кто-то из участников фиксировал забывчивость своего оппонента, то немедленно поднимал большой палец руки и начинал считать до тысячи. Застигнутый врасплох, проклиная свою забывчивость и вредного визави, сломя голову бросался к нему и своей ладошкой накрывал торчащий палец, точь в точь как пионер-герой Марат Казей или Зина Портнова в отчаянье бросавшиеся на фашистов в Великую Отечественную. Собрав тысячу штрафных очков, победитель получал право на желание, а пожелать можно было много чего! Неуемная пионерская фантазия могла поспорить с амбициозностью полета Юрия Гагарина и даже стыковкой Союз-Апполон!

Любимец пионеров вожатый 3 отряда Сергей Толмачев, он же граф Толмаччини, умудрялся играть со своими пионерами в несколько игр одновременно. Изошренные пионеры подговорили ребят другого отряда сыграть с ним еще и в молчанку, надеясь, что удастся обеспечить проигрыш вожатого по-любому либо скажет: «Сижу», - и проиграет одним, либо промолчит, и тогда радостные голоса начнут бодро отсчитывать штрафные очки у него за спиной.

Выждав для соблюдения приличий некоторое время до ужина, народ отправился в столовую. Толмаччини не было. Справедливости ради надо сказать, что ждали судьбоносного появления не только пионеры, но и некоторые вожатые, также участвующие в заговоре.

И вот, в галдящую и звенящую алюминиевыми приборами (гнутыми вилками и завитыми ложками) столовую вошел Граф! Он шел, как подобает королевскому дредноуту, не рыская по курсу и не озираясь орудиями главного калибра по сторонам. Треники с лампасами и просторная футболка на его крепком теле сидели

ладно и также свободно, как и их хозяин. Родинка на щеке всем своим независимым видом демонстрировала полную индифферентность к окружающим. Малышня, как прожорливые чайки, вылетали из-под его ног, и вместе с опадающей пеной раскатившейся волны стихали за его спиной.

К вожатскому столу потихоньку стали подтягиваться пионеры. Отужинавшие вожатые не торопились вставать из-за стола и поэтому вертели в руках уже остывшие чашки с чаем. Атмосфера сгущалась до появления в воздухе первых электрических разрядов.

Проследовав к окну раздачи, Сергей получил вожатскую пайку и не торопясь поставил ее на стол. Также неспешно он прошелся до раздачи и стал выцеживать через гнутый алюминиевый носик чай. Чайник при этом вертелся как старый гусак, которого ни как не может удержать в повиновении скоба с деревянной круглой ручкой.

Делать вид, что народ собрался здесь случайно, дальше было невозможно. Нетерпение масс зудело, чесалось, сучило ножками в сандалетах и кедах, шмыгало носами и окружало вожатский стол плотной толпой.

Толмаччини подошел к столу и отодвинул металлический стул. Еще одно движение и керамический бокал с покоцанными краями оказался на столе.

Уже. Уже развернуты ладони, и большой палец задран вверх. Уже легкие заполнены и не выпускают воздух до вождельного момента начала отсчета. Уже рты полураскрыты и упертые в небо языки замерли в преддверии томительного звука: «Р-р-р-а...» Кто, кто окажется в выигрыше — те, кто заключились с ним на «сижу», или те, кто на «молчанку»?

Положив руку на спинку, Сергей скользнул на стул, но, видимо передумав, проделал своей пятой точкой глиссирующее движение по причудливой траектории, не коснувшись поверхности сиденья, и обратившись к народу, задрал полог футболки на животе вверх, вытащил фанерную табличку на веревочке, на которой

красной гуашевой краской было выведено: «СИЖУ!» Повесив фанерку на спинку стула, вожатый принялся за ужин.

Позабыв выдохнуть, с отвисшей челюстью, выставив вперед руку с торчащим большим пальцем, народ стал медленно ретироваться к выходу. Операция века! Иезуитская ловушка для вожатого захлопнулась, но вожаденного трофея в ней не оказалось! Но, что значит послевкусие!

На следующее утро, когда милый граф Толмаччини, попробовал проделать тот же трюк, повесив фанерку у себя за спиной, толпы пионеров и вожатых со скоростью электронного табло «адской машины» начали громогласно отсчитывать штрафные очки. Напрасно он показывал жестами на фанерку за спиной ее там не было! И ни кто не обратил внимания на выбегающего из дверей столовой октябренька, прижимающего ручонками грязную майку к груди.

— Да вы все тут исчадия! — вскричал Толмаччини, и ринулся сворачивать пальцы ликующей толпе. Столы и стулья разлетались в разные стороны, вожатые и пионеры слились в единую гогочущую и ржущую толпу, на физиономии которой было написано: « Это «Звездочка», приятель, здесь расслабляться нельзя!»

Что ж, другого выхода у него не было. Что поделаться, игра дело шуточное, но расплачиваться приходится по-настоящему!